

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

ЛЮДА
И

КНИГИ

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

**ЛЮДИ
И
КНИГИ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1958

Дорогому Константию Александровичу Гедму
с поздравлением на 50 летие

1958
Март.

К. Чуковец

БИБЛИОГРАФИЯ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕМУАРЫ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

(Краткий обзор)

Минувшие полвека истории и предыстории советской литературы были достаточно насыщены событиями, чтобы старшему поколению наших писателей нашлось сейчас о чем вспоминать. В течение последних лет заметно возросла тяга к произведениям автобиографического плана: появились повести Ф. Гладкова, К. Паустовского, опубликованы автобиографические книги С. Маршака, И. Эренбурга.

Писатели с большим жизненным и творческим опытом чувствуют необходимость оглянуться на пройденный путь, многое осмыслив по-новому. Они спешат отдать невольный долг тем, «кого меж нами нет», о ком уже немногие могут рассказать как очевидцы.

Издано немало книг либо частично, либо по преимуществу мемуарного характера; описания встреч, воспоминания, литературные портреты. В их числе «Повесть нашей юности...» А. Фадеева (Детгиз, М., 1961); воспоминания Ю. Либединского «Воспитание души» (Детгиз, М., 1962) и «Современники» (изд. «Советский писатель», М., 1958); под тем же названием вышла книга К. И. Чуковского «Современники». Портреты и этюды (изд. «Молодая гвардия», М., 1962. Серия «Жизнь замечательных людей»), часть которой «Из воспоминаний» была опубликована еще в 1959 году; «Страницы воспоминаний о Луговском» (изд. «Советский писатель», М., 1962). К тому же роду литературы — правда, не в равной мере — можно отнести «Люди и встречи» Вл. Лидина (изд. «Советский писатель», М., 1961), «О литературе» Л. Сейфуллиной (изд. «Советский писатель», М., 1958), «Писатель, искусство, время» К. Федина (изд. «Советский писатель», М., 1961), «На рубеже двух эпох» К. Зелинского (изд. «Советский писатель», М., 1959) и последний раздел ранее вышедшей книги «Повести, рассказы, воспоминания» Вс. Иванова (изд. «Советский писатель», М., 1952).

Мемуарная литература легко находит своего читателя. Особенное внимание привлекают обычно книги о писателях, о выдающихся деятелях прошлого. Рядом с образами героев из любимых книг наша память хранит и образы авторов этих книг — от-

дельные черточки характера, примечательные эпизоды жизни, особенности личности, «житейские волнения, тревоги, битвы».

Советская литература нам еще дороже и ближе. Однако ее школьные и вузовские курсы еще не так эффективны, как они могут и должны быть. Одна из причин этого — не главная, но существенная — та, что, уделяя много времени основополагающим принципам этой литературы, мы часто забываем о живой личности ее создателей и, перечисляя ее победы, забываем, какой ценой иные из них доставались. Книги советских мемуаристов помогают хотя бы отчасти восполнить этот пробел. Они развертывают перед нами историю в лицах, воплощенную в быте, в простых будничных делах и беседах, в житейских отношениях.

Не связывая себя обязательством исчерпать подробным пересказом содержание упомянутых книг, постараемся дать о них общее представление; отметим по возможности как сходные их черты, так и своеобразие каждой.

Особенно часто и охотно мемуаристы пишут о Горьком, о Маяковском, о Луначарском. Одно за одним свидетельства современников доказывают, что уже первая пора в истории новейшей русской культуры выдвинула настоящих колоссов, появление которых было залогом духовного здоровья народа и его жизнеспособности.

Примеры личных и творческих судеб писателей говорят о сложности путей развития нашей литературы. Чертами драматичности отмечен в книгах К. Чуковского, К. Федина, К. Зелинского образ Александра Блока, его смерть, мужество последних лет его жизни.

Закат старой, буржуазно-дворянской культуры по-своему окрасил и упорные творческие поиски В. Брюсова после революции, и так неблагополучно сложившиеся обстоятельства жизни С. Есенина. Авторы мемуаров напоминают нам об этой суровой правде. Жестоко поплатились за разрыв с родиной писатели-эмигранты. В их среде были честные и талантливые люди, но вышло так, что они обрекли себя на медленное умирание в чужой стране.

и он не желает осложнить жизнь любимой женщины. Служение людям, каждодневный подвиг революционера стал для Рахметова личной жизнью. В этом пафосе его жизни, в этом он находит нравственное удовлетворение. Отказ от своих принципов равносителен для него отречению от своего «я». Рахметов не может не бороться, в борьбе смысл его жизни.

Мораль «новых людей» — подлинно гражданская мораль. Она была типична для лучших представителей демократической интеллигентии 60—70-х годов. Тургенев, большой и чуткий к правде жизни художник, сумел отразить характерные черты морального облика революционно настроенного разночинца в образах Инсарова и Базарова. В освобождении родины от иноzemных захватчиков Инсаров видит смысл своей жизни, для него не существует другого блага, кроме блага отечества.

Предсмертные слова Базарова проникнуты трагической горечью. Как мало им сделано для родины! «И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! Задача есть...» — говорит он Одинцовой. И все его мысли уходящего из жизни человека не о себе, а о других, о России: нужен или не нужен был он ей... Славость Тургенева в том, что он не увидел возможности для приложения сил русских Инсаровых.

С большой художественной силой Некрасов утверждал гражданскую мораль революционеров 60—70-х годов. Не случайно в кружке «новых людей» читают «Лесно Еремушке». Морали покорности и смиренния, чинопочтания и лести, которую проповедует умудренная жизненным опытом няня, лирический герой стихотворения противопоставляет свою мораль, свою жизненную мудрость, мудрость человека-борца. «Не холопское терпение», а «необузданную, дикову к угнетателям вражду и доверенность великой к бескорыстному труду» должен пронести гражданин своей страны через всю жизнь. «Нет прекрасней назначения, лучезарней нет венца», чем служение высоким идеалам «братства, Равенства, Свободы людей». Гриша Добронесленов предпочитает тернистую дорогу борца «за обойденного, за угнетенного» просторной дороге мирских благ, соблазнов и страстей. Как и «новые люди», он не мыслит своего счастья без счастья родного народа.

Мир социальных контрастов и несправедливости, нищета и тяжелый труд одних, богатство и праздность других порождают

и различную мораль. Материалист Чернышевский видел зависимость морали от условий жизни людей, от их отношения к труду. Привилегированное положение, праздность развращают Сторешникова и сдавающих ^{и сда} Соловцова: «Где праздность, там гнусность, — где роскошь, там гнусность!». Ранний труд, нищета будят недовольство жизнью у Кирсанова и Лопухова. Передовая общественная мысль России и Запада формирует их сознание, желание бороться за себя и за других. Так, Лопухов, служа в конторе завода, ведет большую просветительскую работу среди рабочих, которая отнюдь не сводится лишь к обучению грамоте. Он разъясняет рабочим их положение «и мало что такое». В Америке Лопухов продолжает борьбу за права простых людей, выступая «за безграмотных черных против цивилизованных владельцев...».

Раскрывая причины нравственной несостоятельности господина Н. Н. из повести «Ася», Чернышевский писал: «Если из круга моих наблюдений, из сферы действия, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, т. е. исключены гражданские мотивы, что остается наблюдать мне? В чем участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узеныкими заботами о своем кармане, о своем брюшке или о своих забавах». Из сферы действия людей «допотопного мира» исключены идеи и побуждения, имеющие предметом «общую пользу». Вот причина корыстолюбия, душевной черствости, эгоизма представителей старого мира.

«Новые люди» в своих поступках руководствуются «общей пользой», «гражданскими мотивами», и это духовно их приподымает, облагораживает, делает подлинными гражданами, людьми благородной и чуткой души. В образах Лопухова, Кирсанова, Рахметова Чернышевский изобразил рожденный временем тип революционера-вещиедеяния с его ненавистью к миру социального зла и решимостью бороться за разумное устройство жизни, где труд будет радостен, а человек честен и духовно красив¹.

И. Е. Каплан
(г. Москва)

¹ О «разумном эгоизме» учитель может прочитать в статье А. В. Луначарского «Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности» (см. А. В. Луначарский. Статьи о Чернышевском, Гослитиздат, М., 1958).

Навстречу уходящим представителям старой литературы пробивалась новая смена. И опять красноречевые страницы книг убеждают нас, что она не получала жизнь готовой и удобной; она брала эту жизнь с боем. Путь к искусству пролегает через горные вершины культуры, а бывало, что многим из молодых писателей не хватало даже простой грамотности. Они жили в революции, в суматохе дел, людей, явлений, их молодость, безоглядная смелость и упорство преодолевали тогда все. Но вслед за первыми окрыляющими успехами наступали сомнения, нерешительность, порой отчаяние. Об этом с волнением писали Л. Сейфуллина, Ю. Либединский и особенно остро — Вс. Иванов.

Муки слова и муки голода, нужду, надежду — все это испытал когда-то Всеволод Иванов, приехавший однажды в Петроград с мандатом: «Командируется в распоряжение М. Горького». Все казалось ему прекрасным в тот день, когда он получал свой первый паек в Доме ученых: «Какие величественные и прекрасные очереди, и как сияет великолепная Нева, а я иду из этой очереди по набережной — тоже почти ученик, — дотрагиваюсь до перил (из гранита, черт возьми, из гранита, воспетого Пушкиным!) и думаю: а ведь я дотрагиваюсь до петербургского гранита!»

А потом была неудача. Новые рассказы Горький отверг. «Я принял рассказы. Яшел через Троицкий мост в свою комнату на Литейном и злобно говорил самому себе. «Ну и не надо. Ну и сдохну!» Слезы были у меня на глазах. Я пришел, лег на диван из розового дерева и решил тихо умереть». Тогда-то он, голодный и босой писатель, понял, «что дело не в нарядной и фосфорической славе, а в труде и в искусстве, и что путь к искусству мучителен, тягуч, крут и сладостен». И это было пережито не им одним.

Много раз повторяются в мемуарах имени А. Фадеева, Ю. Крымова, А. Афиногенова, людей замечательной цельности, несущих в себе черты нового типа советского писателя. Каждый из них сформировался как общественный деятель, как организатор масс и непременный практический участник социалистического строительства. От них ждали не только вдохновляющих образов. От них требовали большего: их судили с точки зрения черезвычайно высоких моральных критериев. Благодаря таким людям единство этического и эстетического стало в советской литературе не только важнейшим условием художественности произведения, но и требованием, которое предъявляет народ к жизненному пути самого писателя.

Примеры жизни и борьбы многих создателей нашей революционной литературы часто не менее увлекательны и поучительны, чем судьбы их вымышленных героев. Документальная книга «Повесть нашей юности...», составленная из писем и воспоминаний Фадеева, показывает нам самого автора в чем-то похожим на его положительных героев и достойным этих героев. Она многое объясняет нам в литературных симпатиях и гражданских поисках писате-

ля. Эти поиски и симпатии неотрывны от личности Фадеева, так полно, с редкой, «на-
гой» искренностью раскрывающейся нам и в замечательно теплых, заботливых письмах к матери и сыновьям, и в интимных, удивительно юношеских по мироощущению письмах А. Ф. Колесниковой, и в воспоминаниях о начале революционной работы на Дальнем Востоке, о первых литературных опытах.

Автобиографические воспоминания Ю. Либединского «Воспитание души» — это повесть о самом себе, но в то же время книга о становлении характера молодого человека, связавшего свою судьбу с революцией.

Атмосфера нравственной чистоты, редкой идейной ясности, серьезности и глубины содержания, простой, красивый язык отличают обе эти книги; их можно рекомендовать как интересное и полезное чтение для подростков и юношества и действенное средство воспитания в руках учителя.

Из литературных мемуаров наиболее цельны и «классичны» по своему типу воспоминания К. Чуковского. Они искусны с точки зрения чисто литературной и насыщены фактическим материалом, поэтому легко увлекают читателя. В них говорится главным образом о предреволюционном периоде, о старшем поколении писателей. Сравнительно небольшие рассказы (о Саше Черном, об А. Кони, о Юрии Тынянове) перерастают в развернутые повести («Короленко в кругу друзей», «Илья Репин»), в главы будущих книг («Чехов»). Многие личные особенности автора способствуют успеху его книги: темперамент и энергия, свойственный ему образ жизни, род занятий, как нельзя более удачным оказалось сочетание цепкой, точной памяти с ярким воссоздающим воображением. Кстати, пришлась и профессиональная литераторская привычка вести постоянные записи впечатлений и разговоров. Кажется, словно уже тогда, в прошлом, встречаясь, беседуя, знакомясь, писатель знал, что вот сейчас, когда рядом Горький, А. Толстой или Б. Житков, — перед ним живая история русской культуры, а он — один из ее будущих летописцев. Кстати, роль объективного летописца К. Чуковский старается последовательно выдерживать. Всюду он по возможности устраивает себя из повествования как действующее лицо, оставаясь лишь зорким наблюдателем.

Ценно умение Чуковского не только воспроизводить знакомые черты известных людей, но углубить это знакомое, осветив характер с непривычной или неизвестной большинству стороне. Он избегает штампа, идя «от противного». Это заметно уже в портрете юного Бориса Житкова. Взрослый Житков — увлекательный и веселый детский писатель. Но у Чуковского он еще гимназист, не по-детски зрелый, самостоятельный маленький умелец, непреклонный воспитатель своих сверстников и авторитет даже для их мам и бабушек. Или художник Репин, реалист и великий труженик, один из вождей левого крыла русской живописи. Не удивительно, что таков он и у Чуковского, что спокойно и серьезно раскрыты причины так называемых «чудацеств» в репинской

семье («стол самообслуживания», пресловутые «сенные супы» и пр.). Чуковский не боится усложнить образ, подробно припоминая целый период «эстетства» Репина, когда он, этот насквозь социальный художник, демократ и передвижник, отказался на какое-то время от своих принципов и достижений. Теоретические блуждания привели его тогда к несомненному творческому падению. Этот неожиданный оборот расследует очень помогает понять личность Репина, человека страстного, ищущего и последовательного в своих убеждениях.

Так же контрастно по отношению к преобладающей традиции дан образ Маяковского. Знакомые нам резкость polemista, громы трибуна, «горлана-главаря» оттенены какой-то особенной чуткостью и сердечностью, открывшейся мемуаристу. Казалось бы, эти качества должны быть чужды Маяковскому, но ведь без них поэт никогда не становится поэтом. Их надо уметь увидеть.

В книге «Из воспоминаний» опубликовано несколько писем В. Брюсова Чуковскому. Они не вошли в книгу «Современники», но весьма интересны тем, как — опять-таки нетрадиционно — раскрывается личность поэта. Невозмутимый олимпиец, надменный символист, «книгопроходец, пожиратель знаний и хозяин многих языков» (как справедливо назвал он в книге К. Зелинского) в письмах, обращенных к Чуковскому, деловито прост, чужд всякой позы, всегда заботлив, предупредителен и бережен в отношениях со своим молодым корреспондентом.

Чуковский заметил в одном из своих этюдов, что, выступая в качестве мемуариста, он продолжает оставаться литературным критиком и старается увидеть в писателе черты, которые считает характерными для его творчества. Действительно, ни один из писательских портретов не строится только на биографических данных. Всюду представлены блестящие образцы критического анализа творчества Чехова, Гарин-Михайловского, Куприна и других писателей, всюду рассыпаны тончайшие наблюдения над стилем, все примеры отобраны с безуокоризненным вкусом.

Ю. Либединский в книге «Современники» не ставит перед собой сложных задач углубленной литературно-психологической характеристики.

Манера этого писателя лирическая, эмоциональная, внешне совершенно безыскусственная. Это дружеская беседа, и деловитая, и восторженная, и живописно-яркая. Подобно живой речи, она полна восклицаний, обращений к читателю, признаний, разнообразия интонаций:

«С помещиком, банкиром на битву мы идем,
Всем кулакам-вампирам мы гибель принесем!

Мы — красные солдаты — за бедный люд
 стоим,

За нивы и за хаты, свободу отстоим!..

Верно, какая непрятательная и отнюдь не мастерски написанная строфа? А я всю жизнь с глубоким волнением повторяю ее, она воскрешает самое лучшее, что было в моей молодости.

Назначенный политруком автомотовелотроны 26-й дивизии, я летом 1920 года разводил свою роту на вечернюю прогулку по пыльным и жарким улицам Барнаула. Мы пели тогда эту песню. Ее простые слова казались прекрасными, — в них звенела высокая правда эпохи.

Таковы первые страницы воспоминаний Либединского. Романтика революции, то созидающее и радостное, что она принесла своим бойцам, творческие волнения новой литературной жизни определяют весь дух и тон его книги. Осязаемо близкими, почти родными, делаются для нас те, о ком он пишет. Когда о Есенине или А. Веселом говорит «Сергей», «Артем», а о Фадееве — просто «Саша» — это не фамильярность, это право тесной и часто долголетней дружбы. Такая дружба знает многое: она испытывает человека в трудные дни, она видит слабости, она лучше всех оценит достоинства.

Ю. Либединский вел большую организационную работу в разных литературных учреждениях и до и после Первого съезда писателей. Он видел Горького, Маяковского, Есенина, близко знал Б. Горбатова, Д. Фурманова, Л. Сейфуллина. С покоряющей теплотой и как будто бы сразу набело пишет он об этих замечательных творцах советской литературы. Вдумчиво и проницательно отзыается о людях, книгах, фактах. Удалые матросские повадки Артема Веселого, аскетический быт молодого Фадеева и его жены, поразивший американца Дос-Паскоса, неугомонная активность Ю. Крымова освещены доб्रой улыбкой автора. Эта поистине светлая, простая книга писалась Либединским незадолго до смерти, а сколько в ней интереса к жизни, доброжелательности к людям и какой-то юношеской неподсознательности. Откройте ее на любой странице — и вы сразу войдете в нее, как в гостеприимный дом, где вам легко и свободно дышится.

Только в одном можно упрекнуть автора: кое-где ему свойственна излишняя умиротворенность: остыла полемика былых лет, из прежних противников «киных уж нет, а те далече», и хочется сгладить какие-то углы, в чем-то оправдаться. Старые ошибки рапповского руководства, дорого стоявшие «попутчикам», выглядят уже как невинные литературные разногласия. О последних годах жизни Маяковского и Фадеева говорится невнятно и отрешенно. Здесь объективность изменяет автору: реальная история литературывольно или невольно «умлучшается».

Одной из современниц Либединского была Л. Н. Сейфуллина. Их воспоминания хорошо дополняют друг друга. В посмертно изданном сборнике писательницы «О литературе» много зреальных, выношенных мыслей. Наряду с воспоминаниями о Горьком, Маяковском, Л. Рейнер, А. Афиногенове, Е. Чиркове интересно прочитать и о том, как где-то далеко за Уралом в беспокойные годы несколько литераторов-энтузиастов ценою бесконных ночей, творческого напряжения и никем не считанного времени создали первый советский «периферийный» альманах «Сибирские огни». Интересно не толь-

ко потому, что это было знаменательно и важно, что люди были самоотверженны, умели — как все в то время — не щадить себя. Интересно еще потому, что узнаешь и саму Сейфуллину, человека редкой личной скромности, высокой требовательности к себе.

Небольшой очерк о Сейфуллиной найдем мы в книге Вл. Лидина «Люди и встречи». Для тех, кто хорошо знаком с мемуарной литературой, зарисовки Лидина, относящиеся к таким известным людям, как А. Толстой, Горький, Фадеев, дадут, пожалуй, немного нового: один-два штриха, подробности обстановки. Самы образы для нас уже привычны и традиционны. Лидинские этюды — совершенно законченные и отдельные — ценнее тогда, когда с уважением и признательностью рассказывают о писателях, артистах и художниках с более скромно звучащими, но не менее достойными именами. Рядом с рассказами о А. Малышкине, М. Пришвине, А. Новикове-Прибое, В. Гиляровском мы найдем воспоминания Юрия Олеше, Александре Яковлеве, С. М. Михаэле, о русских самородках Трофиме Борисове, Степане Писахове, Василии Ивановиче Симакове. Эти люди были бескорыстными энтузиастами русской культуры, литературный труд каждого из них становился подвигом самоотверженности, и заслуги их не должны быть забыты.

В сборнике «Писатель, искусство, время» К. Федин — мемуарист и художник часто с готовностью уступает место К. Федину — историку литературы и критику. Разумеется, это право автора и, как видно, его замысел. Иногда эта готовность кажется нараспой, она делает книгу строгой, кое-где академически суховатой. Но тем более дорошишь каждым проявлением изобразительного и выразительного таланта писателя. Интересы Федина обращены к особенностям художественной индивидуальности его товарищей по профессии, к их творческой лаборатории, к их «главным книгам».

Подобно В. Лидину, автор понимает значение труда тех, кто не был особенно избалован общим вниманием, и тех, кто почему-либо стал достоянием сенсации, а не серьезного рассмотрения. Он заставляет нас проникнуться духом искренней поэзии М. Фромана, заинтересоваться романом М. Козакова «Крушение империи», творчеством И. С. Соколова-Микитова.

В подзаголовке сборника «На рубеже двух эпох» К. Зелинского стоит: «Литературные встречи 1917—1920 годов». Но элемент воспоминаний в этой книге играет лишь подсобную роль. Это скорее очерки литературного движения начала 20-х годов и поэзии по преимуществу. Книга более специальна и обращена к аудитории терпеливой и подготовленной. Однако она вознаграждает насыщенностью интересными, нужными и малоизвестными фактами. Одним из первых К. Зелинский вводит в историко-литературный оборот новые оценки творчества писателей, незаслуженно забы-.

тых или неправильно понятых в свое время. Он обращается к малоизученному наследию тех, кого привычно и в целом классифицировали как новокрестьян, пролеткультовцев или футуристов: это А. Гастев, М. Герасимов, В. Казин, В. Хлебников и другие. Сделана одна из немногих попыток рассмотреть их индивидуально.

Автор успешно решает заманчивую для исследователя задачу: выяснить историческое значение тех или иных произведений, припомнив, как они воспринимались в годы их написания, чем были вызваны и насколько были популярны. Тут-то ему и становится необходимым оглянуться на свою комсомольскую молодость, описать личные встречи с Блоком, Есениным, Луначарским.

В книге можно найти примеры искусственного стилистического анализа, колоритные и юмористические зарисовки, почерпнутые многие сведения о пестрой литературной жизни эпохи. Наряду с известными классическими строками Брюсова или Маяковского свежо звучат поэтические цитаты из Петра Орешкина — «Улюсь, Улюсь, лесная речка», из некогда знаменитого стихотворения Владимира Кириллова «Матросам»:

Герои, скитальцы морей, альбатросы,
Застольные гости громовых пирор,
Орлиное племя, матросы, матросы,
Вам песня поэта, вам слава веков.

Все упомянутые книги «монографичны»; они написаны одним автором о разных людях. Есть, однако, и другой тип воспоминаний — когда нам представлено несколько портретов одного человека «кисти» разных мастеров. Этот вид мемуаров не менее, а иной раз еще более симпатичен читателю, который получает возможность сопоставлять, сравнивать, дополнять и проверять один портрет другим, узнавая при этом не только того, о ком написано, но и тех, кто писал. Таковы, например, «Страницы воспоминаний о Луговском». Друзья поэта и его ученики, популярные ныне деятели нашей литературы — П. Антокольский, Н. Тихонов, К. Паустовский, В. Шкловский, П. Ниляев, К. Симонов и другие — тщательно воспроизводят дорогие всем нам черты большого поэта В. Луговского, который был для многих из них близок другом или просто «дядей Володей». Он делил с ними праздники и будни нашего «цеха поэтов», поездки на Восток и юг, военные походы.

В заключение следует сказать, что мемуары советских писателей, вместе взятые, представляют собой талантливо написанный историко-литературный спецкурс. Разумеется, он не обладает исчерпывающей полнотой и систематичностью, зато в нем объединились усилия исследователей, свидетелей и художников.

Г. ТРЕФИЛОВА
(г. Москва)